

**EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPEENNE DES DROITS DE L'HOMME**

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО "ЧЕРНЕЦКИЙ против РОССИИ"

(Жалоба N 18339/04)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

16 октября 2014 года

Настоящее постановление вступает в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу "Чернецкий против России"

Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в составе:

Изабелла Берро-Лефевр, Председатель,

Элизабет Штайнер,

Пауло Пинто де Альбукерке,

Линос-Александр Сицильянос,

Эрик Мос,

Ксения Туркович,

Дмитрий Дедов, судьи,

а также Сорен Нильсен, Секретарь Секции,

в закрытом совещании 23 сентября 2014 года,

вынес следующее постановление, утвержденное в указанную дату:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело инициировано жалобой (N 18339/04), поданной в Суд 2 апреля 2004 года гражданином России Чернецким Александром Ивановичем (далее - "заявитель") против России на основании статьи 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - "Конвенция").

2. Интересы Властей Российской Федерации (далее - "Власти") представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, в частности, что сотрудники полиции жестоко обращались с ним 20 и 21 марта 2002 г., и что этот вопрос не был расследован надлежащим образом.

4. 2 июня 2009 года жалоба была коммуницирована Властям.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель, 1971 года рождения, проживает в городе Белоозерский, Московская область.

А. Предполагаемое жестокое обращение и последующие судебные разбирательства

6. По версии Властей, утром 20 марта 2002 года заявитель, вооруженный пистолетом, вместе с двумя другими лицами, ограбил магазин в г. Москве. После ограбления заявитель вышел из магазина с сумками, в которых лежали украденные вещи - мобильные телефоны. Два потерпевших в результате ограбления (Г., владелец магазина, и П., продавец) выбежали за заявителем. Они смогли догнать его и повалить на землю. П. и Г. затем обезоружили заявителя и связали ему руки ремнем. Заявитель оказал сопротивление. С помощью прохожих П. и Г. удерживали заявителя в течение нескольких минут до прибытия полиции в 11:20 ч. Сотрудники полиции задержали заявителя, изъяли его пистолет и сумки с мобильными телефонами, и доставили заявителя в отделение полиции Лефортово г. Москвы. В отделении полиции заявитель написал "чистосердечное признание", признав свое участие в ограблении.

7. По словам заявителя, он не имел отношения к ограблению. Он шел по улице, когда Г. и П. внезапно толкнули его в спину, сбили с ног и задержали его. Он не оказал сопротивления. Сумки и пистолет ему не принадлежали. Затем он был задержан сотрудниками полиции и доставлен в Лефортовский ОВД примерно в 12 часов дня. После выполнения формальностей, включая личный обыск в присутствии понятых, он был доставлен в кабинет, усажен на стул и прикован к нему наручниками. Затем вошли пять или шесть сотрудников полиции, включая С.П. и Р., которые начали допрашивать его об обстоятельствах ограбления. Он отрицал свою причастность к ограблению. С.П. достал бейсбольную битку и угрожал применить ее, если заявитель не признается в ограблении. Заявитель отказался и С.П. начал бить его по голове битой, обернутой махровым полотенцем. Заявитель упал на пол. Другие сотрудники полиции начали бить его ногами, битой и резиновыми дубинками. Он утверждал, что допрос и избиение продолжались в течение примерно пяти часов. Сотрудники полиции также угрожали придушить его с помощью противогаса и применить другие инструменты пыток, такие как иглы и клещи. С целью предотвращения дальнейших страданий заявитель подписал "чистосердечное признание".

8. Написанные от руки признательные показания от 20 марта 2002 года содержат следующую информацию, под которой стоит подпись заявителя:

"Настоящее чистосердечное признание было написано мной добровольно, без психического или физического давления со стороны сотрудников полиции.

[Я] ознакомился со статьей 51 Конституции, которая предусматривает, что я имею право не давать показания против себя".

9. Затем заявитель был помещен в изолятор временного содержания (далее - "ИВС") в Лефортовском отделении полиции.

10. На следующий день, 21 марта 2002 г., заявитель и его адвокат подали следователю К. жалобы на предполагаемое жестокое обращение со стороны сотрудников полиции. Адвокат заявителя также ходатайствовал перед следователем о проведении медицинской экспертизы заявителя с целью установления времени и способа получения заявителем травм. Соответствующее ходатайство содержало описание и схему телесных повреждений заявителя.

11. Также 21 марта 2002 года была проведена очная ставка между заявителем, Г. и П. Они указали, что 20 марта они задержали заявителя, который оказал сопротивление и пытался бежать. Хотя они признали, что сбили заявителя с ног, они отрицали, что

избивали его. Они также указали, что не видели, как кто-нибудь бил заявителя при задержании. Они сообщили, что заявитель не оказал сопротивления при задержании милицией.

12. После вышесказанного следователь отклонил запрос адвоката заявителя о проведении медицинской экспертизы, указав, что соответствующие телесные повреждения могли быть нанесены Г. и П. при задержании заявителя. Тем не менее, заявитель был доставлен в больницу для медицинского осмотра.

13. В соответствии с медицинской справкой от 21 марта 2002 г., заявителю была оказана медицинская помощь в 18:45 ч. в больнице N 111 г. Москвы в связи с "множественными ушибами головы, груди и левой стороны нижней части спины". Также в справке было отмечено, что состояние здоровья заявителя допускало содержание его под стражей в ИВС.

14. По словам заявителя, после медицинского осмотра он был доставлен в другой кабинет Лефортовского ОВД. В течение примерно тридцати минут несколько сотрудников полиции снова избивали его с целью получения неопределенной информации, которой он не располагал.

15. 22 марта 2002 года заявитель был помещен в следственный изолятор ИЗ77/1, где был осмотрен врачом. Врач документировал такие же телесные повреждения, что и указанные выше. Он сделал следующую запись в тюремной медицинской карте заявителя:

"22 марта 2002 года был проведен первичный медицинский осмотр задержанного. Диагноз: множественные ушибы головы, груди и левой части задней части спины".

16. В тот же день заявитель подал прокурору жалобу, утверждая, что подвергался жестокому обращению со стороны сотрудников полиции при содержании под стражей 20 и 21 марта 2002 года. Следователь К. также направила жалобы, поданные ей заявителем и его адвокатом 21 марта 2002 г., в прокуратуру для дальнейшего разбирательства.

17. Также 22 марта 2002 года адвокат заявителя подал следователю К. письменный запрос о проведении визуального осмотра заявителя. По словам заявителя, указанный запрос был подан с целью подтверждения телесных повреждений, нанесенных ему сотрудниками полиции 21 марта 2002 года. Тем не менее, в запросе это не было указано. Следователь отклонила запрос, отметив, что медицинский осмотр заявителя уже был проведен 21 марта 2002 года.

18. 28 марта 2002 года следователь К. допросила троих сотрудников полиции (Гал., Поп., и Зав.) в качестве свидетелей по уголовному делу заявителя. Они указали, что 20 марта 2002 года они находились на дежурстве в Лефортовском отделении полиции. Около 12 часов дня, по указанию старшего офицера, они забрали подозреваемого из отделения полиции на станции метро "Авиамоторная" и доставили его в Лефортовское отделение полиции. На заявителя были надеты наручники. Также на нем была плечевая кобура с пистолетом. В отделении полиции был проведен обыск подозреваемого в присутствии двух понятых, личность подозреваемого была установлена, -им являлся заявитель. Его пистолет был изъят. Сотрудники полиции указали, что продавец, несущий четыре большие сумки, сопровождал их в отделение полиции. Их не спрашивали о том, имелись ли у заявителя видимые телесные повреждения на теле в то время, и они не представили информации в данном отношении.

19. 26 апреля 2002 года помощник прокурора Лефортовской межрайонной прокуратуры вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с тем, что утверждения заявителя о жестоком обращении являлись необоснованными. В постановлении было указано следующее:

"... 19 марта 2003 года [sic] Лефортовская межрайонная прокуратура г. Москвы получила признание [заявителя] в совершении ограбления..."

Позднее, в ходе допроса, [заявитель] пожаловался на применение к нему сотрудниками полиции физической силы с целью получения признания. Он не мог предоставить информацию об именах сотрудников полиции, задержавших его, их особых приметах, местоположении кабинета, [в котором имело место предполагаемое жестокое обращение] или другие факты.

В ходе допроса также было установлено, что заявитель состоит на учете в неврологической клинике... и не был призван на службу в армию по причине неврологического заболевания. Таким образом, [его] утверждения [о жестокое обращении] не подтвердились".

Постановление прокурора не содержало информации о действиях, осуществленных для проверки версии событий, изложенной заявителем. Медицинские документы, подтверждающие его телесные повреждения, также не были упомянуты.

20. В неустановленную дату заявитель обжаловал указанное постановление в прокуратуру, жалуясь на поверхностный характер рассмотрения его утверждений о жестоком обращении в отделении полиции.

21. Спустя примерно два с половиной года, 24 сентября 2004 года, надзирающий прокурор отменил постановление от 26 апреля 2002 года об отказе в возбуждении уголовного дела и направил материалы в прокуратуру для дополнительной проверки утверждений заявителя о жестоком обращении.

22. 7 октября 2004 года заместитель прокурора Лефортово вновь отказал в возбуждении уголовного дела. В постановлении указано следующее:

"Из жалобы заявителя следует, что 20 марта 2002 года он был доставлен в Лефортовское отделение полиции г. Москвы двумя сотрудниками полиции, С.П. и Р. [указано намеренно], где заявитель был прикован наручниками к стулу и избит битой, обернутой махровым полотенцем, с целью получения от него признаний в ограблении...

В ходе дополнительного допроса был допрошен С.П., сотрудник Лефортовского отделения полиции. Он объяснил, что 20 марта 2002 года [заявитель] был задержан и допрошен в связи с ограблением. Заявитель был информирован о своих правах, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом и статьей 51 Конституции, что было подтверждено его подписью. Он давал показания добровольно и без применения к нему физического или психического давления. Сотрудники полиции не применяли насилие [в отношении заявителя] при задержании, конвоировании в отделение полиции или во время его нахождения в отделении полиции.

Допросить [бывшего] сотрудника полиции Лефортовского отделения полиции Р. было невозможно, так как он был уволен из полиции. Было сделано несколько попыток вызвать его в прокуратуру. Так, 4 и 7 октября 2004 года начальник Лефортовского отделения полиции распорядился об отправке сотрудника полиции для вызова Р. Согласно информации, предоставленной указанным начальником..., 4 и 7 октября 2004 года сотрудник полиции приходил по адресу Р., но никто не открыл дверь. По словам соседей, он уже долгое время не проживал в указанной квартире.

Допрошенные Сап., Суб. и Паут. [сотрудники полиции Лефортовского отделения полиции], указали, что они не встречали [заявителя] во время их дежурства [в соответствующий день]. Они не оказывали на него физического или психического давления.

Следователь следственного отдела Лефортовского отделения полиции, К., указала, что она вела расследование соответствующего уголовного дела об ограблении... Заявитель был задержан по подозрению в совершении преступления и доставлен в отделение полиции. В ходе следственных действий он не жаловался на жестокое обращение со стороны сотрудников полиции. Ни следователь, ни другие сотрудники полиции не применяли физическую или психическую силу к [заявителю].

В ходе проведенной проверки не было возможности установить участие в соответствующих расследуемых событиях других сотрудников полиции, которые находились на дежурстве в отделении полиции и несли ответственность за задержанных в соответствующее время".

Медицинские документы, подтверждающие телесные повреждения заявителя, не были упомянуты.

23. 3 декабря 2004 года надзирающий прокурор отменил постановление от 7 октября 2004 года и дал указание допросить Р. и организовать проведение медицинской экспертизы телесных повреждений, полученных заявителем в марте 2002 года

24. В соответствии с решением прокурора от 7 декабря 2004 года медицинский эксперт изучил медицинскую карту заявителя. В заключении от 16 февраля 2005 года он указал следующее:

"В соответствии с медицинской картой N 1812 в 18:45 ч. 21 марта 2002 года [заявитель] поступил в амбулаторное травматологическое отделение больницы N 111 г. Москвы... По [его] словам, он был избит неизвестными лицами около 11:00 ч. 20 марта 2002 года [Результаты осмотра]: ссадины возле линии роста волос (лоб). Фиолетовые и желтые кровоподтеки у левой лопатки и полоса кровоподтеков размером 1,5 на 6 [см] в области поясницы. При ощупывании причиняют боль. Диагноз: ушибы мягких тканей лба, левой лопатки и левой стороны нижней части спины.

Другие записи в медицинской карте отсутствуют.

Выводы

1. В травматологическом отделении были документированы следующие телесные повреждения [заявителя]:

ссадины на лбу,
кровоподтеки на левой лопатке,
полоса кровоподтеков с левой стороны нижней части спины.

Вышеупомянутые телесные повреждения могли быть нанесены тупыми твердыми предметами, и не нанесли ущерба здоровью [заявителя]. Кровоподтеки появились в результате контакта с тупым предметом (предметами) и могли быть нанесены посредством ударов таким предметом (предметами), а также посредством ударов [заявителя] о предметы. Ссадины были нанесены посредством движения предмета по поверхности кожи.

2. Так как медицинская карта не содержала более подробного описания кровоподтеков... невозможно определить точное время их нанесения".

25. 17 февраля 2005 года заместитель прокурора Лефортово отказал в возбуждении уголовного дела. В его постановлении было указано следующее:

"... Как следует из представленного отчета полиции... бывший сотрудник полиции Р. не был найден, несмотря на несколько визитов по адресу его проживания в январе и феврале этого года. По словам соседей, Р. больше не проживал там и редко посещал свою квартиру; они не знали его местонахождения.

В соответствии с заключением эксперта от 16 февраля 2005 г... [заявитель] получил телесные повреждения в виде кровоподтеков на лице и теле... Так как в медицинских

документах содержится недостаточно информации, невозможно установить время и способ их нанесения.

Таким образом, несмотря на принятые меры, невозможно проверить утверждения [заявителя]".

26. В неустановленную дату заявитель обжаловал в суд постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

27. 6 февраля 2006 года Басманный районный суд г. Москвы пришел к выводу, что утверждения заявителя были надлежащим образом рассмотрены органами прокуратуры и были признаны необоснованными. Районный суд отклонил жалобу на указанных основаниях, постановив следующее:

"Из представленных материалов следует, что утверждения [заявителя] [о жестоком обращении]... были рассмотрены в ходе доследственной проверки. После каждой проверки выносилось постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

В связи с утверждениями [заявителя] Управлением собственной безопасности УВД г. Москвы также было проведено внутреннее расследование...

В соответствии с результатами указанных расследований, не было установлено убедительных, объективных и достаточных доказательств неправомерного поведения сотрудников полиции.

При вынесении приговора Лефортовским районным судом г. Москвы [от 19 апреля 2004 г., см. ниже], утверждения [заявителя] были рассмотрены судом в ходе рассмотрения [его] уголовного дела по существу. В своем приговоре суд оценил их и признал необоснованными.

Приговор вступил в законную силу.

При таких обстоятельствах не имеется оснований для удовлетворения жалобы [заявителя]."

28. 21 августа 2006 года Московский городской суд оставил обжалуемое решение от 6 февраля 2006 года без изменений, повторив основания, приведенные районным судом.

29. Ни заявитель, ни его представитель не присутствовали на судебных слушаниях, тогда как прокурор присутствовал на них и выступал с обращениями к суду.

Б. Производство по уголовному делу в отношении заявителя

30. В неустановленный день заявитель предстал перед Лефортовским районным судом г. Москвы. Обвинения против него были выдвинуты Лефортовской межрайонной прокуратурой.

31. В ходе судебного разбирательства заявитель неоднократно поднимал вопрос о предполагаемом жестоком обращении с ним в отделении полиции и утверждал, что его "чистосердечное признание" было получено под давлением.

32. Супруга заявителя дала в суде показания о том, что когда заявитель вышел из дома утром 20 марта 2002 г., состояние его здоровья было отличным.

33. Г. и П. подтвердили данные ими ранее показания: они не били заявителя при задержании и не видели, чтобы кто-либо еще избивал его. Они не помнили, имелись ли у заявителя видимые телесные повреждения на момент прибытия полиции. Тем не менее, Г.

не исключал возможности того, что он мог нанести заявителю некоторые телесные повреждения при задержании.

34. Сотрудники полиции, задержавшие заявителя и доставившие его в отделение полиции, также отрицали жестокое обращение с заявителем с их стороны. Они указали, что не помнят, чтобы у заявителя были видимые телесные повреждения на момент его задержания.

35. 19 апреля 2004 года заявитель был признан виновным в незаконном ношении огнестрельного оружия и двух случаях ограбления с применением насилия, совершенных группой лиц. Приговор был основан, *inter alia*, на признательных показаниях заявителя от 20 марта 2002 года. Ему было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 11 лет с отбыванием в исправительной колонии "строгого режима". В своем постановлении суд отметил, что 20 марта 2002 года потерпевшим в результате ограбления (Г. и П.) была оказана медицинская помощь в больнице - Г. имел укус на правой руке, а у П. была ссадина на правом предплечье.

36. 29 сентября 2004 года Московский городской суд внес изменения в указанный приговор, но оставил его в силе.

37. Оба суда отклонили утверждения заявителя о жестоком обращении, ссылаясь на результаты проверки, проведенной на тот момент органами прокуратуры.

38. Ни жалоба, поданная заявителем для пересмотра его приговора в порядке надзора, ни его многочисленные жалобы в различные органы на процессуальные недостатки в его уголовном деле, не дали результатов.

С. Помещение заявителя в исправительную колонию Республики Коми после осуждения

39. После вступления приговора по делу заявителя в силу он был доставлен в колонию "строгого режима" в Республике Коми для отбывания наказания. Указанная колония находится на расстоянии около 1 500 км от места проживания заявителя в Московской области.

40. В неустановленную дату в 2005 году заявитель обратился в Федеральную службу исполнения наказаний (далее - "ФСИН") с просьбой перевести его в колонию, расположенную ближе к его месту жительства. В своем ответе от 11 июля 2005 года ФСИН отклонила его запрос на том основании, что в Московской области не имелось колоний "строгого режима". Заявитель обжаловал этот отказ в Московском городском суде, который передал его жалобу в Министерство юстиции. Последнее направило его жалобу во ФСИН. 14 апреля 2006 года ФСИН в письменной форме сообщила заявителю о том, что его запрос был отклонен на тех же основаниях. После следующей жалобы заявителя прокуратура вынесла официальное представление для ФСИН и предложила последней устранить нарушение права заявителя на отбытие наказания недалеко от места его проживания. В сентябре 2006 года ФСИН предложила заявителю перевод в колонию во Владимирской области, непосредственно граничащей с Московской областью. 7 сентября 2006 года заявитель отклонил это предложение по неопределенным причинам.

41. В январе 2007 года заявитель обратился в Усть-Илимский районный суд Республики Коми с ходатайством о переводе из колонии строго режима в "колонию-поселение" (другой тип колонии с менее строгими условиями содержания). 24 января 2007 года суд отклонил ходатайство без рассмотрения и закрыл разбирательство, так как заявитель еще не получил право на ходатайство о переводе. 3 апреля 2007 года Верховный суд Республики Коми рассмотрел апелляцию и оставил данное решение без изменений. 18 августа 2009 года прокуратура подала надзорное представление в Верховный суд Республики Коми и ходатайствовала о новом рассмотрении дела заявителя, так как его запрос о переводе не был рассмотрен по существу. Результат указанных разбирательств неизвестен.

42. В неопределенную дату в 2010 году заявитель был освобожден условно-досрочно, отбыв часть наказания.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

A. Право хранить молчание

43. Конституция Российской Федерации в соответствующей части предусматривает следующее:

Статья 51

"1. Никто не обязан давать показания против себя..."

B. Уголовно-правовые средства защиты против жестокого обращения

44. Часть 1 статьи 116 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 года предусматривает, что применение физической силы, причинившей физическую боль, но не повлекшей последствий для здоровья, наказывается штрафом, обязательными либо исправительными работами, либо арестом на срок до трех месяцев. Причинение физической или психической боли посредством регулярных избиений наказывается лишением свободы на срок до трех лет (статья 117, ч. 1). В соответствии с пунктом (е) части 2 статьи 117 Кодекса, применение пыток наказывается лишением свободы на срок до семи лет.

45. Принуждение подозреваемого или обвиняемого к даче показаний посредством угроз или других неправомерных действий со стороны следователя или лица, проводящего дознание, наказывается лишением свободы на срок до трех лет (статья 302, ч.1). Те же действия, связанные с применением насилия, издевательств или пыток, наказываются лишением свободы на срок до восьми лет (статья 302, ч. 2). В соответствии с пунктом (а) части 3 статьи 286 Кодекса, превышение служебных полномочий, связанное с применением насилия или угрозы применения насилия, наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет, с запретом занимать определенные должности или участия в определенных видах деятельности на срок три года.

C. Расследование уголовных преступлений

1. Уголовно-процессуальный кодекс 1960 года (действовавший до 1 июля 2002 года)

46. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом 1960 года уголовное дело могло быть возбуждено следователем на основании заявления физического лица или по инициативе следственных органов при наличии данных, указывающих на признаки совершения преступления (статьи 108 и 125). Ответственность за общий контроль над расследованием ложилась на прокурора (статьи 210 и 211). Он мог отдавать распоряжения о проведении специальных следственных мероприятий, передавать дело от одного следователя к другому или распоряжаться о дополнительном расследовании. В случае отсутствия оснований для возбуждения или продолжения расследования по уголовному делу, прокурор или следователь выносили мотивированное постановление об этом, которое должно было быть доведено до сведения заинтересованной стороны. Указанное постановление могло быть обжаловано перед вышестоящим прокурором или в суде общей юрисдикции (статьи 113 и 209).

2. Уголовно-процессуальный кодекс 2001 года (действующий с 1 июля 2002 года)

47. Новый Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает такие же правила расследования уголовного преступления, что и Уголовно-процессуальный кодекс 1960 года (статьи 37, 146, 147 и 148 нового Кодекса).

D. Медицинский осмотр перед заключением под стражу

48. Европейский комитет по предотвращению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее "ЕКПП") разработал стандарты обращения с лицами, лишенными свободы. По его мнению, медицинский осмотр, право доступа к адвокату и право на сообщение третьему лицу о факте заключения под стражу являются фундаментальными средствами защиты от жестокого обращения с лицами, заключенными под стражу, которые должны применяться с самого начала лишения свободы, независимо от того, как они могут быть описаны в соответствующей правовой системе (задержание, арест и т.д.) (см. 2-й Генеральный доклад Европейского комитета по предотвращению пыток, СРТ/Inf/E (2002) 1 -ред. 2013 г., пункт 36).

49. Нормативные акты от 31 декабря 1999 года о здравоохранении в учреждениях ИВС (вступившие в силу в соответствии с совместным распоряжением N 1115/475 Министерства внутренних дел и Министерства здравоохранения) предусматривают, что все лица, содержащиеся под стражей, должны быть осмотрены медицинским работником в течение двадцати четырех часов после их прибытия (пункт 9). В случае отсутствия медицинского персонала дежурный офицер осматривает лицо, заключенное под стражу, на предмет наличия проблем со здоровьем и телесных повреждений по прибытии в ИВС. Результат осмотра регистрируется в медицинском журнале (пункт 10). Внутренние правила для изоляторов временного содержания, введенные Министерством юстиции (в соответствии с приказом N 148 от 12 мая 2000 г.) и действующие на момент рассматриваемых событий, также предусматривают медицинский осмотр новых прибывших заключенных (пункт 16).

50. Пункты 44 и 52 Указаний для дежурных офицеров отделений полиции, вступивших в силу 1 июля 2002 года в соответствии с приказом N 174дсп Министерства внутренних дел от 26 февраля 2002 года, предусматривают, что в случае, когда у задержанного лица имеются видимые телесные повреждения по состоянию на момент его доставки в отделение полиции, такие телесные повреждения должны быть документированы и о них надлежит доложить вышестоящему офицеру. Объяснения их происхождения должны быть получены от соответствующего лица, которому по мере необходимости оказывается медицинская помощь. Телесные повреждения, полученные в результате применения насилия, должны быть зарегистрированы в журнале регистрации преступлений. По-видимому, в марте 2002 года не существовало аналогичных положений.

E. Доклад ЕКПП по России

51. Доклад ЕКПП о посещении России с 2 по 17 декабря 2001 года (СРТ/Inf (2003) 30) содержал следующие замечания:

"... 2. Пытки и иное жестокое обращение

15. В ходе периодического визита в Россию в 2001 года делегация ЕКПП получила большое количество заявлений о жестокое обращение со стороны полиции, что не может не вызывать беспокойства. Как и ранее, указанные заявления относились, главным образом, к оперативным действиям полиции при сборе доказательств и включали насилие, направленное на получение признаний от подозреваемых в совершении уголовных

преступлений. Также было получено множество сообщений о несоразмерном применении силы при задержании.

...

16. Формы жестокого обращения, предположительно, включали удары, шлепки, удары ногами и резиновой дубинкой, бейсбольной битой или другими твердыми предметами, иногда во время того, как подозреваемый был пристегнут наручниками к радиатору отопления или подвешен, удары мокрыми полотенцами и пластиковыми бутылками, заполненными водой. Также был получен ряд заявлений об удушении с использованием противогаза или пластикового пакета и применения электрошока. Предполагаемое жестокое обращение иногда достигало такой жестокости, что могло рассматриваться в качестве пытки.

...

19. Действия такого типа, описанные в пунктах 15 -18, совершенно неприемлемы. Они противоречат не только Европейской конвенции о правах человека и Европейскому кодексу этики для сотрудников полиции, но также законам Российской Федерации. ЕКПП признает обязательство, принятое российскими властями, которое содержалось в их предварительном ответе на доклад о визите 1998 года (СРТ (2000) 50), о том, что Министерство внутренних дел "принимает необходимые меры для обнаружения и исключения несправедливого отношения", и это заявление повторялось в их ответе на доклад о визите 1999 года (СРТ 2001) 47); тем не менее, из информации, собранной в ходе визита в декабре 2001 года, ясно, что многое еще предстоит сделать.

...

3. Средства защиты лиц, лишенных свободы, от жестокого обращения

34. В предыдущих докладах о визитах ЕКПП подробно рассматривал формальные средства защиты от жестокого обращения, которые предлагались лицам, лишенным свободы, правоохранительными органами в Российской Федерации, и их действие на практике. Комитет особенно подчеркнул наличие трех прав, а именно, право лиц, заключенных под стражу, на сообщение близкому родственнику или иному третьему лицу о своем положении, право на доступ к адвокату и право на доступ к медицинской помощи. Как ЕКПП неоднократно подчеркивал, эти права являются основными и ими должны пользоваться все категории лиц с самого начала их лишения свободы (а именно, с момента, когда такие лица обязаны оставаться в правоохранительном учреждении). Таким же основополагающим является право лиц, заключенных под стражу правоохранительными органами, на немедленное сообщение им обо всех их правах, включая упомянутые выше, на понятном им языке.

...

40. Что касается доступа к медицинской помощи, как указано в докладе о визите 1998 года, Федеральный закон 1995 года о содержании под стражей лиц, подозреваемых или обвиненных в совершении преступлений (разделы 19 и 24), содержит некоторые положения о здравоохранении для лиц, заключенных под стражу. В ходе визита делегация пришла к выводу, что доступ лиц, содержащихся под стражей в учреждениях полиции, к медицинской помощи в целом являлся удовлетворительным.

Тем не менее, новый Уголовно-процессуальный кодекс не содержит положений о предоставлении лицам, содержащимся под стражей, доступа к медицинской помощи. Дополнительно, стало очевидным, что при медицинском осмотре обычно присутствовали сотрудники полиции.

Кроме того, хотя в посещенных учреждениях ИВС велись журналы регистрации телесных повреждений (обычно фельдшером учреждения), такие журналы не включали объяснения заключенных о том, каким образом ими были получены такие телесные повреждения.

ЕКПП ссылается на рекомендацию, уже данную в докладе о визите 1998 года (см. пункт 170 документа ЕКПП (99) 26), и призывает российские власти к принятию мер для обеспечения:

-прав лиц, лишенных свободы милицией, на осмотр врачом, включая право на осмотр врачом, выбранным таким лицом, если оно того желает, дополнительно к медицинскому осмотру, проведенному врачом, вызванным милицией;

-проведения всех медицинских осмотров вне слышимости и -за исключением случаев, когда соответствующий врач явным образом запрашивает иное в определенном случае - видимости сотрудниками полиции;

-официальной регистрации врачом и предоставления заключенному и его адвокату результатов любого осмотра, а также всех имеющих отношение заявлений соответствующего лица и заключений врача.

...

43... ЕКПП призывает российские власти принять срочные меры для обеспечения учреждения эффективной системы обжалования и чтобы лиц не отговаривали обращаться к этой системе. В данном контексте прокурорам следует напомнить об их существующих обязательствах в соответствии с Приказом Генерального прокурора N 31 от 18 июня 1997 г."

52. Доклад ЕКПП о посещении России с 21 мая по 4 июня 2012 года (СРТ/Inf (2013) 41) содержал следующие замечания:

"... 2. пытки и иное жестокое обращение

21. В г. Москве и г. Санкт-Петербурге большинство опрошенных заключенных не имели жалоб на отношение со стороны должностных лиц правоохранительных органов. Тем не менее, делегация получила несколько заявлений о недавнем физическом жестокое обращении со стороны сотрудников правоохранительных органов в обоих городах. Предполагаемое жестокое обращение (состоящее главным образом из ударов, ударов ногами и дубинками) в основном, как было указано, имело место при задержании оперативными сотрудниками в штатском, после того как задержанные лица переходили под их контроль... В некоторых случаях предполагаемое жестокое обращение имело место при первоначальных допросах оперативными сотрудниками, с целью получения признания или другой информации. В одном из таких случаев, который имел место в Северо-Восточном административном округе г. Москвы, жестокость предполагаемого обращения была такой, что оно могло рассматриваться в качестве пытки (т.е. продолжительное избиение и удушение с помощью пластикового пакета).

...

24. Во всех посещенных регионах также имелись заявления об угрозах физического жестокого обращения или расправы (соответствующим лицам подчеркивали, что их заключение под стражу не зарегистрировано), помещении в камеру к заключенным, упоминаемым в качестве "петухов", или о последствиях для членов семьи (включая возможное жестокое обращение).

...

27. В своем предыдущем отчете за 2008 год в рамках периодических визитов ЕКПП указал, что если не будут приняты меры в отношении жестокого обращения со стороны полиции, это легко может стать самой общепринятой чертой оперативных действий полиции. Комитет снова подчеркнул важность осуществления изменений, начиная с самого верха правоохранительных органов.

По прошествии чуть меньше четырех лет, несмотря на последние попытки реформирования органов внутренних дел, частота и стабильность заявлений, полученных делегацией ЕКПП в ходе визита в 2012 г., дает основания полагать, что методы крайне

жестокого обращения/пытках продолжают часто применяться полицией и другими правоохранительными органами, особенно за пределами г. Москвы и г. Санкт-Петербурга...

28. Как и прежде, некоторые сотрудники полиции, опрошенные делегацией, были убеждены в том, что склонность определенных служащих правоохранительных органов к жестокому обращению с заключенными под стражу лицами уходит корнями глубоко в излишнее доверие к признательным показаниям, полученным на этапе расследования. Вина также возлагается на неопределенность полицейской иерархии в отношении способа, которым надлежит обращаться с подозреваемыми по уголовным делам в ходе допросов, а также недостаточное практическое обучение новых оперативных сотрудников.

ЕКПП должен напомнить, что ответственность за изменение поведения сотрудников правоохранительных органов в целом лежит, в первую очередь и главным образом, на вышестоящих офицерах. В данном контексте необходимо, чтобы философия следования "от доказательства к подозреваемому", а не от "подозреваемого к доказательству", превалировала в обычной практике всех участников процесса уголовного судопроизводства (оперативных сотрудников, следователей, прокуроров и судей). Кроме того, сотрудникам правоохранительных органов надлежит хорошо разобраться в практических сложностях принципа соразмерности, когда сила используется в качестве крайней меры.

...

с. медицинский осмотр при принятии [в пенитенциарные учреждения]

122. Во всех посещенных учреждениях заключенные были осмотрены медицинским работником (обычно фельдшером) в день их прибытия или на следующий день. Более тщательный осмотр врачом и различные тесты (включая проверки на туберкулез, ВИЧ, сифилис и гепатит) проводились в последующие после принятия дни.

Тем не менее, вызывает озабоченность то, что конфиденциальность медицинских осмотров часто не соблюдалась: сопровождающие сотрудники полиции, немедицинский персонал пенитенциарного учреждения и (в колонии N 1 в Ягуле) вспомогательный персонал из числа заключенных часто присутствовали в помещениях, где проводился первоначальный медицинский осмотр. ЕКПП повторяет свою давнюю рекомендацию о принятии мер для обеспечения проведения всех медицинских осмотров заключенных вне слышимости и -за исключением случаев, когда соответствующий медицинский работник запрашивает иное -видимости немедицинским персоналом; ни при каких обстоятельствах сотрудники полиции или персонал из числа заключенных не должны присутствовать при таком осмотре".

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

53. Заявитель жаловался, что после его задержания 20 марта 2002 года он подвергся обращению, несовместимому со статьей 3 Конвенции, и что не было проведено надлежащее расследование данного вопроса. Статья 3 Конвенции гласит следующее:

Статья 3

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию".

А. Доводы сторон

54. Власти возразили, что указанные жалобы являются явно необоснованными. Они подчеркнули, что утверждения заявителя о жестоком обращении были тщательно рассмотрены органами прокуратуры и внутрисударственными судами, которые пришли к выводу о необоснованности таких утверждений. Они воздержались от комментариев по поводу происхождения его телесных повреждений.

55. Заявитель настаивал на своей жалобе и указал, что отказы в возбуждении уголовного дела в отношении его утверждений о жестоком обращении неоднократно отменялись надзирающими прокурорами как ошибочные. Более того, он не был допрошен прокуратурой в ходе соответствующей проверки. Он также возразил, что в ходе судебных разбирательств по уголовному делу против него, многочисленные свидетели подтвердили, что при задержании состояние его здоровья было удовлетворительным. Он сослался на несоответствия в его признательных показаниях от 20 марта 2002 г., в частности на то, что статья 51 Конституции РФ предусматривала не то, что было указано им в показаниях (см. пункты 8 и 43 выше). Это доказывало то, что он не был ознакомлен со своим правом хранить молчание при написании признательных показаний, и, следовательно, подтверждало его утверждения о том, что признание было получено под давлением. Он также указал, что, учитывая его невиновность, он бы никогда не дал показаний против себя добровольно.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

56. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным причинам. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Общие принципы

(i) "Минимальная степень тяжести"

57. Для отнесения к сфере действия статьи 3 Конвенции жестокое обращение должно достигнуть минимальной степени тяжести. Оценка указанного минимального уровня относительна: она зависит от всех обстоятельств дела, таких как длительность обращения, его физические и психологические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья потерпевшего. В отношении лица, лишённого свободы, применение физической силы, которая не является строго необходимой в связи с поведением такого лица, унижает человеческое достоинство и в принципе является нарушением, предусмотренным в статье 3 (см. постановление Европейского Суда от 28 октября 1998 года по делу "Ассенов и другие против Болгарии" (*Assenov and Others v. Bulgaria*), пункт 94, Отчеты о постановлениях и решениях 1998VIII).

(ii) Установление фактов в делах о предполагаемом жестоком обращении со стороны полиции

58. Суд напоминает, что утверждения о жестоком обращении должны подтверждаться соответствующими доказательствами. При оценке доказательств Европейский Суд применяет принцип доказывания "вне разумных оснований для сомнения", но такое доказывание может осуществляться с помощью достаточно весомых, точных и согласованных выводов или неопровержимых предположений (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Лабита против Италии" (*Labita v. Italy*), жалоба N 26772/95, пункт 121, ЕСПЧ 2000-IV).

59. Когда лицо помещается под стражу в полиции, имея хорошее состояние здоровья, но, выходя на свободу, имеет проблемы со здоровьем, государство обязано представить исчерпывающие объяснения, почему у человека возникли данные проблемы, при этом отсутствие таких объяснений приводит к возникновению вопроса в соответствии со статьей 3 Конвенции (см. постановление Европейского Суда по делу "Селмуни против Франции" (*Selmouni v. France*) [БП], жалоба N 25803/94, пункт 87, ЕСПЧ 1999V, с дальнейшими ссылками).

(iii) Расследование предположительного жестокого обращения

60. Европейский Суд напоминает, что, если лицо подает небезосновательную жалобу о том, что оно незаконно и в нарушение статьи 3 Конвенции подверглось крайне жестокому обращению со стороны сотрудников полиции или иных представителей властей, то данное положение в совокупности с обязательством государства в рамках статьи 1 Конвенции ""обеспечить каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в ... Конвенции", предполагает, что должно быть проведено эффективное официальное расследование. Данное расследование должно быть способно привести к выявлению и наказанию виновных (см. упомянутое выше постановление по делу "Ассенов и другие против Болгарии", пункт 102).

61. Обязательство по проведению расследования касается "не результата, а используемых средств": не каждое расследование обязательно приводит к успешному результату или выявляет факты, совпадающие с мнением заявителя о произошедших событиях; однако, оно, по существу, должно привести к установлению фактов дела и, если доводы оказываются верными, к установлению личности и наказанию виновных лиц (см. постановление Европейского Суда по делу "Пол и Одри Эдвардс против Соединенного Королевства" (*Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*, жалоба N 46477/99, пункт 71, ЕСПЧ 2002II, а также постановление Европейского Суда по делу "Махмут Кайя против Турции" (*Mahmut Kaaya v. Turkey*), жалоба N 22535/93, пункт 124, ЕСПЧ 2000-III).

62. Расследование на основании серьезных обвинений в жестоком обращении должно быть тщательным. Это означает, что власти неизменно должны принимать серьезные меры для установления того, что произошло, и не должны полагаться на поспешные или необоснованные выводы для прекращения расследования или в качестве основания для своих решений (см. вышеупомянутое постановление по делу Ассенова и других (*Assenov and Others*), пункт 103 и далее). Они должны принимать все возможные разумные и доступные им меры для обеспечения доказательств в отношении инцидента, включая, *inter alia*, показания свидетелей и вещественные доказательства (см. *mutatis mutandis*, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Салман против Турции" (*Salman v. Turkey*), жалоба N 21968/93, пункт 106, ЕСПЧ 2000-VII, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Танрикулу против Турции" (*Tanr kulu v. Turkey*), жалоба N 23763/94, пункты 104 и далее, ЕСПЧ 1999-IV). Любой недостаток расследования, снижающий вероятность установления причины травм или виновных лиц, может привести к отступлению от данного стандарта.

63. Кроме того, расследование должно быть неотложным. В случаях, когда в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции рассматривается эффективность официального расследования, Суд часто оценивает, насколько оперативно власти реагировали на

жалобы в соответствующее время (см. вышеупомянутое дело Лабиты, пункты 133 и далее). Было принято во внимание начало расследований, задержки в проведении допросов (см. постановления Европейского Суда по делу "Тимурташ против Турции" (Timurta v. Turkey), жалоба N 23531/94, пункт 89, ECHR 2000-VI, и постановление Европейского Суда от 9 июня 1998 года по делу "Текин против Турции" (Tekin v. Turkey), пункт 67, Сборник постановлений и решений 1998-IV), и время, которое заняло предварительное расследование (см. постановление Европейского Суда от 18 октября 2001 года по делу "Инделикато против Италии" (Indelicato v. Italy), жалоба N 31143/96, пункт 37).

64. Наконец, расследование должно быть независимым (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Огур против Турции" (Ogur v. Turkey), жалоба N 21954/93, пункты 91-92, ЕСПЧ 1999-III, и постановление Европейского Суда от 20 июля 2004 года по делу "Мехмет Эмин Ускел против Турции" (Mehmet Emin Uksel v. Turkey), жалоба N 40154/98, пункт 37). Таким образом, расследование не является независимым, когда сотрудники того же отделения, что и обвиняемые в предполагаемом жестоком обращении, проводят расследование (см. постановление Европейского Суда от 27 июля 1998 года по делу "Гулеч против Турции" (Gulec v. Turkey), пункты 80-82, Отчеты 1998-IV). Независимость расследования предполагает не только отсутствие иерархической или институциональной связи, но и практическую независимость (см., например, постановление Европейского Суда от 28 июля 1998 года по делу "Эрги против Турции" (Ergi v. Turkey), пункты 83-84, Отчеты 1998-IV).

(iv) Стандарты судопроизводства по делам в соответствии со статьей 3

65. Если имело место внутреннее разбирательство, в задачу Суда не входит замена своей собственной оценки фактов оценкой фактов национальных судов, и, как правило, именно эти суды и должны оценивать представленные им доказательства (см. постановление Европейского Суда от 22 сентября 1993 года по делу "Клаас против Германии" (Klaas v. Germany), пункт 29, серия A, N 269). Хотя Суд не ограничен выводами, сделанными внутригосударственными судами, в обычных обстоятельствах необходимо наличие убедительных аргументов для отклонения от выводов по факту, достигнутому этими судами (см. постановление Европейского Суда от 2 ноября 2006 года по делу "Матко против Словении" (Matko v. Slovenia), жалоба N 43393/98, пункт 100). В то же время, если заявитель подает спорную жалобу о жестоком обращении, Суд должен проявить особое внимание (см. постановление Европейского Суда от 30 июля 2009 года по делу "Гладышев против России" (Gladyshev v. Russia), жалоба N 2807/04, пункт 53, с дальнейшими ссылками).

(b) Применение вышеприведенных принципов к настоящему делу

(i) Предполагаемое жестокое обращение

66. Стороны не оспаривают то, что заявителю были нанесены телесные повреждения, документированные в его медицинской карте 21 и 22 марта 2002 г., а именно многочисленные кровоподтеки на голове, груди и левой стороне нижней части спины. Суд считает, что повреждения были достаточно серьезными, чтобы достичь "минимальной степени тяжести" в соответствии со статьей 3 Конвенции.

67. Суд отмечает, что заявитель представил достаточно подробное и согласованное описание предполагаемых избиений в Лефортовском отделении полиции и представил медицинские доказательства того, что у него имелись телесные повреждения, которые могли быть получены в результате таких избиений, по крайней мере, вполне вероятно.

Суд удовлетворен тем, что заявитель подал небезосновательную жалобу на жестокое обращение.

68. Суд прежде всего отмечает, что ни органы власти, проводившие проверку в отношении утверждений заявителя о жестоком обращении на внутригосударственном уровне, ни Власти в ходе судебных разбирательств в Суде, не предоставили объяснений происхождения телесных повреждений заявителя. Это вынуждает Суд устанавливать факты, приходя к таким выводам, которые он считает соответствующими такому отношению (см. пункт 1 Правила 44С Регламента Суда и постановление Европейского Суда по делу "Савридин Джураев против России" (*Savridin Dzhurayev v. Russia*), жалоба N 71386/10, пункт 132, ЕСПЧ 2013 (выдержки)).

69. С учетом вышесказанного, Суд отмечает, что следователь, ответственный за уголовное дело заявителя, предположил, что указанные телесные повреждения могли быть нанесены потерпевшими в результате ограбления, когда они задерживали заявителя (см. пункт 12 выше). В связи с этим Суд отмечает, что заявитель не проходил медицинский осмотр после его задержания 20 марта 2002 года (см. для сравнения постановление Европейского Суда от 14 февраля 2012 года по делу "Володарский против России" (*Volodarskiy v. Russia*), жалоба N 45202/04, пункт 8). Суд отмечает, что на момент рассматриваемых событий российское законодательство не предусматривало медицинский осмотр лиц, заключенных под стражу, с самого начала их лишения свободы (см. пункт 50 выше). Тем не менее, в делах такого типа проведение медицинского осмотра задержанного лица до помещения под стражу в полицию является важным по нескольким причинам, подчеркнутым ЕКПП (см. пункт 48 выше). Такой осмотр не только доказывает, что состояние соответствующего лица позволяет провести его допрос, но также освобождает Государство-ответчика от бремени предоставления разумного объяснения обнаруженных телесных повреждений (см. постановление Европейского Суда от 13 июля 2010 года по делу "Карабули против Румынии" (*Carabulea v. Romania*), жалоба N 45661/99, пункт 112).

70. Рассмотрев представленные доказательства, Суд не находит убедительно доказанным, что телесные повреждения, полученные заявителем, были нанесены потерпевшими в результате ограбления. Суд отмечает, что заявитель был задержан после преследования и был вооружен пистолетом, так что остановка и обезоруживание его могли потребовать применения как минимум некоторой физической силы. Тем не менее, учитывая характер телесных повреждений (множественные ушибы, ссадины и кровоподтеки, *inter alia*, в форме полосы кровоподтеков, см. пункты 13, 15 и 24), они, вероятно, не были нанесены в ходе задержания заявителя частными лицами, как было указано последними (см. пункты 11 и 33). Органы следствия не приняли никаких мер для проверки утверждений указанных лиц или для определения причины телесных повреждений заявителя. В отсутствие каких-либо объяснений Властей в данном отношении (см., *mutatis mutandis* (с учетом необходимых поправок), постановление Европейского Суда от 10 июня 2010 года по делу "Шерстобитов против России" (*Sherstobitov v. Russia*), жалоба N16266/03, пункт 78) и принимая во внимание то, что органы внутригосударственной власти не провели медицинский осмотр сразу после задержания заявителя (см. постановление Европейского Суда от 11 января 2007 года по делу "Маммадов против Азербайджана" (*Mammadov v. Azerbaijan*), жалоба N 34445/04, пункт 65; постановление Европейского Суда от 21 июля 2011 года по делу "Коробов против Украины" (*Korobov v. Ukraine*), жалоба N 39598/03, пункт 70), Суд может заключить, что состояние здоровья заявителя было удовлетворительным до его заключения под стражу (см. постановление Европейского Суда от 18 сентября 2008 года по делу "Туркан против Турции" (*T rkan v. Turkey*), жалоба N 33086/04, пункты 43 и 48). Иной вывод существенным образом подрывал бы эффективность Конвенционной защиты лиц в уязвимом положении, аналогичном положению заявителя.

71. Более того, Суд считает важным тот факт, что заявитель, в своих показаниях, данных внутригосударственным органам власти и Суду, был однозначен в отношении жестокого обращения с ним со стороны полиции во время его содержания под стражей в Лефортовском отделении полиции. Он предоставил подробное описание отношения к нему и медицинские доказательства подтверждают изложенную им версию событий. Суд принимает во внимание тот факт, что 21 марта 2002 года врач -видимо, цитируя объяснения заявителя или сотрудников полиции - отметил в его медицинской карте, что заявитель был избит неизвестными лицами около 11:00 ч. 20 марта 2002 г., а именно, до его прибытия в Лефортовское отделение полиции около 12:00 ч. (см. пункты 7 и 24 выше). Суд отмечает, что доказательная сила указанной записи в медицинской карте заявителя является сравнительно низкой. Она представляет собой не заключение врача, сделанное на основании медицинского осмотра, а информацию, полученную из неопределенного источника (см. пункты 10 и 12 выше). Соответствующий врач не был допрошен органами власти в ходе дознания в отношении утверждений заявителя о жестоком обращении. С учетом вышесказанного, Суд считает, что данная запись не опровергает утверждения заявителя.

72. Суд повторяет, что Власти несут ответственность за благосостояние всех лиц, содержащихся под стражей. Такие лица находятся в уязвимом положении и органы власти обязаны защищать их. Принимая во внимание обязательство органов власти по учету телесных повреждений, нанесенных лицам, содержащимся под стражей, и в отсутствие убедительных объяснений происхождения телесных повреждений заявителя, Суд считает, что Власти не предоставили разумного объяснения того, каким образом заявитель получил указанные телесные повреждения. Следовательно, Суд заключает, что рассматриваемые телесные повреждения, как минимум, частично, являлись результатом обращения, за которое Власти несли ответственность.

73. Учитывая все обстоятельства жестокого обращения, его физические и психические последствия, а также состояние здоровья заявителя, Суд приходит к выводу о том, что совокупность насильственных действий в отношении заявителя привела к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в нарушение статьи 3 Конвенции.

74. Таким образом, имело место нарушение материального аспекта статьи 3 Конвенции.

(ii) Адекватность расследования

75. Как уже было установлено (см. пункт 67 выше), претензии заявителя в отношении предполагаемого жестокого обращения являлись небезосновательными. Следовательно, национальные органы власти обязаны были провести эффективное официальное расследование таких утверждений.

76. Во-первых, Суд отмечает, что внутригосударственным властям понадобилось почти три года для проведения официальной проверки в отношении утверждений заявителя о жестоком обращении. В течение этого времени отказы прокуратуры в возбуждении уголовного дела в отношении соответствующих сотрудников полиции дважды были отменены надзирающим прокурором, с отсылкой к не осуществлению необходимых следственных действий (см. пункты 21 и 23 выше). Суд считает, что такие возвращения дела для повторного рассмотрения указывают на существенный недостаток проверки, который непоправимо замедлил разбирательства.

77. Во-вторых, указанные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела указывают на определенное количество значительных упущений в ходе проверки. Таким образом, по-видимому, сотрудник, ответственный за проведение проверки, ни разу не допросил заявителя в отношении его жалобы на жестокое обращение. Медицинские документы, подтверждающие телесные повреждения заявителя, не были упомянуты в

первых постановлениях, так что следователь заключил, что не имелось оснований для возбуждения дела. Даже в постановлении, в котором указанные документы были упомянуты, не имелось объяснения происхождения телесных повреждений заявителя, и суд при проверке ограничился заключением о том, что не имелось "убедительного, объективного или достаточного доказательства", подтверждающего версию событий, изложенную заявителем (см. постановление Басманного районного суда от 6 февраля 2006 г., пункт 27 выше). Не было проведено очной ставки между заявителем и сотрудниками полиции, предположительно принимавшими участие в жестоком обращении. По-видимому, не было сделано попыток определить и проверить помещения, в которых предположительно имело место жестокое обращение с заявителем. Также власти не пытались найти и допросить лиц, которые могли обладать полезной информацией о состоянии здоровья заявителя на момент его прибытия в Лефортовское отделение полиции 20 марта 2002 года и впоследствии, в частности, сотрудников полиции, которые задержали его, сотрудников полиции, которые доставили его в отделение полиции после задержания, понятых, присутствовавших при его обыске по принятии в отделение полиции (см. пункт 18 выше), врача, осмотревшего его в больнице N 111 г. Москвы 21 марта 2002 года (см. пункт 13) и лиц, которые содержались под стражей вместе с ним с 20 по 22 марта 2002 года.

78. В-третьих, определенные следственные действия были проведены с опозданием. Сотрудники полиции, принимавшие участие в допросе заявителя в Лефортовском отделении полиции в марте 2002 г., не были допрошены органами следствия до сентября 2004 г., до тех пор, пока дело не было возвращено для повторного рассмотрения. К этому времени Р., один из сотрудников полиции, предположительно принимавших участие в жестоком обращении, больше не работал в полиции и его местопребывание было неизвестно. Заключение эксперта по медицинской карте заявителя было составлено только 16 февраля 2005 г., почти через три года после предполагаемого жестокого обращения. Эксперт уже был не в состоянии определить точное время нанесения телесных повреждений (см. пункт 24 выше). Таким образом, время было упущено, и, по мнению Суда, это имело негативное воздействие на успешность дознания.

79. В-четвертых, Суд сильно сомневается в объективности должностных лиц, расследовавших утверждения заявителя о жестоком обращении. Суд отмечает, что расследование предполагаемого избиения было доверено Лефортовской межрайонной прокуратуре тому же органу, который получил дело против заявителя из полиции и который позднее представил его в суд, опираясь, главным образом, на "чистосердечное признание" заявителя, которое было предположительно получено под давлением. Подтверждение версии событий заявителя об избиениях подорвало бы позицию органов прокуратуры в суде и сократило бы их шансы на привлечение заявителя к уголовной ответственности. Кроме того, некоторые задачи по расследованию утверждений заявителя были доверены сотрудникам полиции того же Лефортовского отделения полиции, где заявитель предположительно был избит (см. решение заместителя прокурора Лефортово от 7 октября 2004 г., пункт 22 выше).

80. Наконец, Суд отмечает, что утверждения заявителя впоследствии были рассмотрены внутрисударственными судами на двух уровнях юрисдикции (см. пункты 27 и 28 выше). В данном отношении Суд отмечает, что национальные суды просто оставили выводы прокуратуры без изменений. Они не вызвали заявителя или предполагаемых правонарушителей с целью их личного допроса и представления заявителю возможности очной ставки с ними. Также в проводимых судебных разбирательствах по уголовному делу суды лишь ссылались на выводы прокуратуры (см. пункты 30, 31, 35 - 37 выше).

81. Указанных замечаний достаточно для того, чтобы Суд заключил, что расследование утверждений заявителя о жестоком обращении было ненадлежащим.

Таким образом, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении ее процессуальных положений.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

82. Заявитель также жаловался на то, что был лишен эффективных средств правовой защиты в отношении вышеупомянутых нарушений вопреки статье 13 Конвенции, которая предусматривает:

Статья 13

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

83. Суд считает, что суть претензий заявителя в соответствии со статьей 13, которые Суд считает приемлемыми, состоит в предполагаемом не осуществлении внутригосударственными органами власти надлежащего расследования его утверждений о жестоком обращении. В данном отношении Суд отмечает, что уже рассмотрел данное заявление в контексте статьи 3 Конвенции. Принимая во внимание выводы, к которым Суд пришел в пунктах 80 и 81 выше, Суд считает, что в отдельном рассмотрении данной жалобы по существу нет никакой необходимости (см., с точки зрения аналогичного подхода, постановление Европейского Суда от 24 апреля 2012 года по делу "Чумаков против России" (*Chumakov v. Russia*), жалоба N 41794/04, пункт 114).

III. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

84. Наконец, заявитель подал ряд жалоб на основании статей 3, 5, 6 и 13 Конвенции, связанных с содержанием его под стражей, уголовным судопроизводством в его отношении и исполнением приговора по его уголовному делу. Однако, учитывая все доступные ему материалы, и насколько данные жалобы относятся к его компетенции, Суд приходит к выводу, что не найдено никаких признаков нарушения приведенных положений. Из этого следует, что данная часть жалобы должна быть отклонена как явно необоснованная в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

85. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

A. Ущерб

86. Заявитель потребовал 50 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

87. Власти возразили, что требования заявителя в отношении компенсации морального вреда являлись чрезмерными.

88. Суд отклонил определенные жалобы и установил наличие нарушения требований статьи 3 Конвенции в ее материальном и процессуальном аспектах. Суд признает, что заявителю был причинен моральный вред, который не может быть компенсирован одним

лишь фактом установления нарушения. Суд присуждает заявителю 15 000 евро в качестве компенсации морального вреда, плюс любой налог, который может взиматься с указанной суммы.

В. Расходы и издержки

89. Заявитель не потребовал возмещения судебных издержек и расходов, понесенных при разбирательствах во внутригосударственных судах и в Суде.

90. Соответственно, Суд в этом отношении ничего не присуждает.

С. Проценты за просрочку платежа

91. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка, плюс три процентных пункта.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. Признал жалобы в соответствии со статьями 3 и 13 Конвенции в совокупности со статьей 3 Конвенции приемлемыми, а в остальной части - неприемлемыми;

2. Постановил, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее материальном аспекте;

3. Постановил, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте;

4. Постановил, что нет необходимости отдельного рассмотрения жалобы заявителя в соответствии со статьей 13 Конвенции в совокупности со статьей 3 Конвенции;

5. Постановил:

(а) что в течение трех месяцев со дня вступления данного постановления в силу Государство-ответчик должно выплатить заявителю в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции 15 000 (пятнадцать тысяч) евро в валюте государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты, а также все налоги, подлежащие начислению на указанную сумму, в качестве компенсации морального вреда;

(b) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода выплаты пени плюс три процентных пункта;

6. Отклонил остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке с направлением письменного уведомления 16 октября 2014 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь

Изабелла Берро-Лефевр
Председатель

